

Veronika Reichl

Das
Gefühl zu
denken

Erzählungen

Matthes & Seitz Berlin

Вероника Райхль

ЧТЕНИЕ
МЫСЛЕЙ

*Как книги
меняют сознание*

Перевод с немецкого
Алексея Костюхина

Individuum, 2024

УДК 101

ББК 87

P18

Райхль, Вероника.

P18 Чтение мыслей. Как книги меняют сознание / Вероника Райхль ; [пер. с нем. А. Костюхина]. — М. : Индивидуум, 2024. — 240 с.

ISBN 978-5-907696-25-9

Книги способны изменить человека: сделать его смелее, определить жизненный путь, помочь справиться с одиночеством и сориентироваться в непонятном мире. Америка-немецкая писательница Вероника Райхль рассказывает о том, как это происходит, на основе интервью с читателями высокой литературы — от работ Гегеля, Хайдеггера и Делёза до книг Ролана Барта, Клариси Лиспектор и Милана Кундеры. Чтобы понять тексты мыслителей, люди ищут взаимосвязи между теорией и чувственным опытом, выбирают фрагменты наугад и переписывают их от руки, читают только в поездках, вступают в диалог с автором, оставляют пометки на полях и выделяют для себя то, с чем согласны или, напротив, готовы горячо спорить. «Чтение мыслей» — руководство по восприятию сложных текстов, проводник в мир мышления, а также захватывающий рассказ о том, как книги помогают нам встретиться с самими собой.

УДК 101

ББК 87

© Matthes & Seitz Berlin, 2023

© А. Костюхин, перевод с немецкого, 2024

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

ISBN 978-5-907696-25-9

Оглавление

Во власти языка

- Сны о капусте. *Сэнди читает Мартина Хайдеггера* 9
Стадии сомнения. *Роджер читает Канта, фон Баадера, Хайдеггера, Деррида и других* 15
Во всем должен быть простор. *Адриан читает Ролана Барта* 28
Переносная истина. *Ясмин читает Клариси Лиспектор* 35
Нормы и названия. *Флориан читает о стыде* 40
Виртуальное тело. *Гизела читает Гегеля* 45
Каменная мозаика. *Амина читает Донну Харауэй* 50
Фигуральное мышление. *Свен читает Гегеля* 55

Техники I

- Гегель не молчит 65
Одно прочтение хорошо, а два лучше 68
Интеллектуальный тонус Деррида 71
Поединок в додзё с Дональдом Дэвидсоном 74
Александр Кожев договаривает недосказанное 79
Кант и свободно текущие феномены 83
Регистры тела 86
Вид с высоты птичьего полета 89

Мимо самого себя

- Внутри системы. *Натали читает Уильяма Оккама* 95
Любовь к истине. *Грегор читает Фому Аквинского* 102
Спасение. *Рассел читает де Сада, Арто и Ницше* 109

Великое счастье. *Рольф читает...* 112
Не чувствуя почвы под ногами. *Аннетт читает*
Сьюзен Бак-Морс 118
Альтернативное знание. *Тимо читает Диану Тейлор* 129
Компас, одновременно указывающий в двух направлениях.
Карла читает Джудит Батлер 134
Фабьенн читает мысли окружающих. ...и *Милана Кундеру* 144

Техники II

Когда Кант соглашается с Кантом 157
Точная ярость Делёза 160
Ханна Арендт и благоразумие Западной Германии 163
Пепельно-серое одиночество в творчестве В.Г. Зебальда 166
В долгу у Деррида 169
Лабиринт Спинозы 172
Китч 175
Приятная дистанция 177
Вселенные 181

Становление другим

В ожидании щелчка. *Лисси читает Жана-Люка Нанси* 187
Всматриваясь в бездну. *Эльмар читает Карла Барта* 195
Идеальные вместилища. *Ян читает Делёза и Гваттари* 203
Мягкая сила. *Лириан читает тексты женщины* 210
Какая жалость! *Франци читает Ролана Барта* 213
И полет шмеля ощущается быстрее. *Катарина читает*
Клариси Лиспектор 226

Об интервью 234
Благодарности 237

Во
власти
языка

СЭНДИ О КАПУСТЕ

Сэнди читает Мартина Хайдеггера

Сэнди — человек творческой профессии, а значит, придает форме большое значение. Любой элемент ее работы обладает формой. Она присуща материалу, инструментам и рабочему пространству. Она определяет, сколько длится каждый из этапов ее работы, как Сэнди хранит карандаши и что добавляет за завтраком в мюсли. Она постоянно воздействует на ее намерения. Форма определяет все. В идеале все выбранные формы согласуются друг с другом и придают искусству Сэнди характер завершенности.

Относиться серьезно к форме — то же, что относиться серьезно к жизни. Речь идет не о результате, а о процессе. И это, безусловно, так, хоть Сэнди и приходит в состояние детского восторга каждый раз, когда видит одну из недавно завершённых работ.

Форма, конечно, представляет собой одновременно и содержание, поскольку, внимательно изучив все аспекты формы, можно понять, кто она, Сэнди, и каково ее отношение к окружающему миру, вещам и людям. (Философско-эстетическому дискурсу о форме и содержании Сэнди тоже непременно когда-нибудь посвятит некоторое время.) Однако в конечном счете идеальная форма — не то, что ищет Сэнди. Она пытается

обнаружить такой тип мышления, который становится возможным благодаря форме и одновременно выражается в ней.

Сэнди убеждена, что все самые важные мысли посещают ее во время работы. И она готова к ней. Без чтения философской литературы не обойтись, так как это обостряет интуицию. Прежде чем приступить к делу, Сэнди с удовольствием уделяет полчаса Делёзу или Хайдеггеру. И тогда подходящая форма для следующего этапа работы или решение определенной проблемы внезапно приходят к ней, словно знакомый, который неожиданно позвонил в дверь. При этом текст совсем не обязательно должен иметь какое-то отношение к ее творческому проекту, ему лишь необходимо быть содержательным с точки зрения философии.

В одной из картинных галерей Линца проходит выставка, в которой Сэнди принимает участие. Ее проект заключается в том, чтобы каждый день по несколько часов проводить в галерее за старым деревянным столом, читать «Бытие и время» Хайдеггера и переписывать текст предложение за предложением в качестве символа телесности этого произведения. Переписывание — телесный труд, который приносит человеку совсем иную форму радости, нежели просто чтение, пробуждая одни ощущения и заглушая другие. Текст как бы струится сквозь пальцы и становится осязаемым, будто Сэнди сама его формулирует. Она часто думает о монахах, которые на протяжении всей жизни переписывали священные тексты, и о том, каких усилий им это наверняка стоило.

Сейчас форма подобрана правильно: обыкновенный стол, который Сэнди приобрела специально для проекта, стул из ее мастерской, простая темно-синяя одежда, которую она будет носить на протяжении всей выставки, и теплые шерстяные носки.

Пока в галерее никого нет, в ней тихо и спокойно. Через расположенную напротив письменного стола витрину открывается вид на малолюдную улицу — достаточно пространства для размышлений. Также и время лежит перед Сэнди подобно широкому полю. Сегодня, и завтра, и послезавтра, и следующие два месяца ей предстоит заниматься только чтением Хайдеггера и переписыванием его произведения. (Этот проект даже кажется ей эгоистичным.) Она открывает книгу, и с того места, на котором остановилась вчера, продолжает перечитывать про себя каждое предложение по нескольку раз до тех пор, пока оно не уложится в голове. В большинстве случаев Сэнди удаётся уловить его смысл сразу, по крайней мере приблизительно. Почувствовав, что предложение запечатлелось в памяти, она начинает ровным почерком переносить его на бумагу. Затем еще раз читает переписанный фрагмент. Она читает и пишет:

Почему понимание во всех сущностных измерениях размыкаемого в нем пробивается всегда к возможностям? Потому что понимание само по себе имеет экзистенциальную структуру, которую мы называем *наброском*. Оно бросает бытие присутствия на его ради-чего не менее исходно чем на значимость как мирность своего всегдашнего мира. Набросковый характер понимания конституирует бытие-в-мире в аспекте разомкнутости его вот как вот умения быть. Набросок есть экзистенциальное бытийное устройство простора фактического умения быть. И в качестве брошенного присутствие брошено в способ бытия наброска. Набросок не имеет ничего общего с отнесением себя к измысленному плану, по какому присутствие устраивает свое бытие, но как присутствие оно себя всегда уже на что-то бросило и есть, пока оно есть, бросая*.

* Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В.Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 145. Цитаты из переводов В.В. Бибихина приводятся с сохранением авторской пунктуации.

Уже с самого начала ей удастся неплохо сосредоточиться. А приблизительно через полчаса она замечает: процесс пошел! Сэнди хорошо знакомо это ощущение, и тем не менее каждый раз оно застаёт ее врасплох: в какой-то момент все в ней внезапно активизируется. Все мыслит или, если выразаться точнее, мыслится. Текст преобразовывает ее, работает над ней, и под его воздействием начинают происходить существенные перемены. Это объясняется и тем, что язык Хайдеггера устроен так же, как его мысли. Все согласовано друг с другом и наполнено огромной энергией. Сэнди восхищается тем, как долго и настойчиво Хайдеггер искал подходящую форму для своих мыслей. Вероятно, именно благодаря согласию формы и содержания текст для нее притягателен на нескольких уровнях и при его чтении все в ней приходит в движение и раскрывается. Она чувствует, что оказывается в полном бытии присутствия. Иногда эмоции настолько ее переполняют, что она начинает плакать.

Мышление, которое пробуждает в читателе Хайдеггер, представляет собой базовую способность. Оно реагирует на текст так же естественно, как человек идет, когда ему нужно попасть на другую сторону улицы, или ест, когда чувствует голод. Это инстинктивная способность. Ее использование позволяет Сэнди — звучит довольно пошло или как нечто из области эзотерики, а такой смысл она точно в эти слова не вкладывает, хотя все именно так — почувствовать, как бьется сердце Вселенной.

Сэнди читает не для того, чтобы узнавать новое или накапливать знания, хотя это, само собой, тоже прекрасно. По ее мнению, Платон был абсолютно прав, когда говорил, что все знание уже содержится в нас и нам нужно лишь помочь душе вспомнить известное ей ранее и вновь соединиться с этим знанием. Именно так это и ощущается: при чтении Сэнди будто вспоминает то, что всегда было в ней, но что сама по себе она

не могла постичь. Отчетливее всего это чувствуется при чтении Хайдеггера, Агамбена и Делёза.

Пожилая женщина в синем плаще заходит в галерею, осматривается и боится помешать. Сэнди здоровается с ней, и между ними завязывается разговор. По мнению Сэнди, искусство и философия тесно взаимосвязаны, намного теснее, чем может показаться на первый взгляд. И то и другое — экспериментирование и создание наброска. Работа по смещению перспективы. То, что вновь связывает человека с важными вещами.

Женщина чуть заметно улыбается и осторожно кивает. Сэнди продолжает говорить: миру нужно и это тоже. Она, конечно, прекрасно понимает, что другое миру нужно в некотором смысле сильнее: например, врачи, аграрии и программисты. Иногда именно по этой причине ей тяжело просто нарисовать розу. И тем не менее существуют веские причины рисовать розы, а также читать философскую литературу. Необходимо только их вспомнить. Затем Сэнди предлагает женщине попробовать себя в роли переписчика Хайдеггера. Та смеется и отгораживается ладонями, однако вскоре садится рядом с Сэнди, и они обе, сосредоточенно бормоча, переписывают длинный абзац из работы Хайдеггера. Затем пожилая женщина благодарит Сэнди и бодрым шагом, держа рукопись, выходит из галереи на улицу.

В течение первых четырех недель, проведенных в галерее наедине с Хайдеггером, Сэнди ощущает все большее спокойствие, и ей начинает казаться, что она впервые достаточно спокойна для чтения этого текста. Однако еще через неделю на душе становится тревожно. Во сне Сэнди теперь чувствует запах капусты и сырой земли. Она часто бродит по полям, освещаемым тусклыми лучами солнца. Земля под ногами, как и воздух,

наполнена влагой, цветовая гамма скудна. На Сэнди надеты тяжелые кожаные сапоги, и она постоянно чувствует, как на их подошвы налипают увесистые комья земли. Впереди простираются капустные поля: бескрайние ряды бледно-зеленых кочанов, уходящие за горизонт. Бывает, что она идет по черной, вязкой, сырой земле, и сапоги утопают в ней. Раз за разом Сэнди снится, будто на капустных листьях что-то написано. Часто сон заканчивается тем, что она понимает: это покойники пишут на них. Мертвые мужчины, женщины и дети. Иногда это сама земля оставляет след на листьях. Как будто материя порождает самое себя. Во сне Сэнди ощущает себя частью окружающего мира: частью капусты и частью земли, частью процесса написания и состояния описанности. Она — силуэты букв и глянец капустных листьев. Она — тусклое небо и раскинувшиеся под ним поля.

Даже днем в галерее Сэнди, как только открывает Хайдеггера, сразу ощущает запах земли и капусты. Галеристка иронично замечает, что до нее доносится запах, исходящий от уже давно истлевших в земле кожаных штанов Хайдеггера, — и, возможно, так оно и есть. Эта мысль кажется Сэнди забавной, и она смеется, однако в то же время ей становится не по себе. Подобные сны она видит уже целую неделю, и Сэнди понимает, что так больше продолжаться не может. Самое время встать из-за стола, надеть что-нибудь яркое и понежиться в лучах солнца. Пришло время включить поп-музыку, съесть упаковку мармеладных мишек и на самом деле нарисовать розу. Но перед этим ей необходимо выдержать еще три недели выставки наедине с Хайдеггером.

Стадии СОМНЕНИЯ

*Роджер читает Канта, фон Баадера,
Хайдеггера, Деррида и других*

1-я стадия. Когда Роджер в двадцать лет только начинал изучать философию, его настольной книгой была «Критика способности суждения» Канта. Начало текста казалось довольно легким. Однако уже через пятнадцать минут Роджер почувствовал, что выбился из сил. Он читал с привычной для него скоростью и не заметил, как ход мыслей автора вдруг резко пошел в гору. Запыхавшись, Роджер уже не понимал, о чем идет речь. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться и еще раз начать медленно читать с начала.

Прошло две недели, прежде чем он научился, подобно лыжнику, подниматься коньковым ходом и переходить от одного предложения к другому: прочитать, затем, даже если все кажется понятным, выдержать паузу и постараться осознать, согласуется ли истолкование со смыслом прочитанного ранее. Если смысл ясен не до конца, перечитать предложение, а при необходимости и предыдущий абзац. Сделать новый, предварительный набросок смысла* всего предложения. Сопоставить

* Вероятно, здесь автор делает отсылку к идеям немецкого философа Х.-Г. Гадамера. С точки зрения Гадамера, тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет «набрасывание смысла». Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, делается предварительный набросок смысла всего текста. — *Здесь и далее прим. пер.*

результат со смыслом прочитанного ранее. Если совпадений нет, поразмыслить над иными возможными интерпретациями прочитанного отрывка. Если это ни к чему не приводит, временно отложить попытки истолковать предложение. Таков первый коньковый шаг. За ним идет новое предложение, а значит, и следующий шаг в гору.

Некоторые шаги давались Роджеру довольно легко, некоторые отнимали порядочно времени. Однако каждый из них обладал определенным ритмом. Техника подъемного конькового хода помогала Роджеру сохранять спокойствие. Ему очень нравилась идея не устраивать забег от одного кусочка знания до другого, как это было раньше, а медленно подниматься в гору. Отсутствие движения в горизонтальной плоскости, только вертикальный подъем.

До знакомства с этой книгой Роджер и не догадывался, что человек может мыслить подобным образом. Такой способ кардинально отличался от обыденного. Мышление в стиле подъемного конькового хода было спокойным, беспристрастным и холодно-рассудительным. На горной тропе важно принимать решения не сразу. Понимание возникало зачастую намного позже и нередко оказывалось противоположным тому, что Роджер посчитал верным сначала. Подъем коньковым ходом приносил плоды: Роджеру удалось достичь вершины труда Канта. От вида, открывавшегося с высоты, захватывало дух. Повседневные мысли и разговоры остались где-то далеко внизу, у подножия горы.

2-я стадия. Четыре месяца спустя Роджер приступил к чтению одной из работ Франца фон Баадера и пришел от нее в восторг. Текст был трудным для понимания, но Роджер чувствовал, что он содержит в себе некое откровение. Едва уловимое сияние исходило от каждого слова, будто благодаря тексту можно проникнуть в тайны мироздания. Казалось, что некое скрытое

знание содержалось на страницах этой книги, но замечали его лишь избранные; даже Роджер еще не приблизился к нему, хоть и поднимался коньковым ходом. Это ощущение присутствия в тексте крайне важного знания усилилось стократно, когда после прочтения нескольких страниц Роджеру встретились три предложения, смысл которых он сумел понять и которые поразили его до глубины души: это было озарение светом истины. Теперь он был убежден, что его первое впечатление верно и на всех остальных страницах тоже содержались подобные озарения — оставалось только их осознать.

В течение следующих недель Роджер приложил немало усилий, чтобы понять текст фон Баадера. Возможная близость чего-то чрезвычайно важного притягивала как магнит. Однако ему не удалось существенно продвинуться по тексту, а то, что получилось извлечь на поверхность, оказалось не таким захватывающим, как он ожидал. Роджеру пришлось в голову, что ощущение наличия в тексте скрытого, обладающего едва уловимым свечением знания было ложным. Поначалу он отгонял от себя такие мысли. Однако подозрение, что он стал жертвой какого-то искусного приема, не покидало его. В итоге Роджер отложил работу фон Баадера в сторону, так и не разобравшись, насколько в действительности содержателен этот текст.

Теперь Роджер решил проводить четкую грань между переполняющим душу глубоким предчувствием и устроенным иначе (но также возвышающим) чувством понимания. Это оказалось сложнее, чем он полагал: он знал, что раньше его чтение было связано с постоянными предчувствиями и забеганиями вперед, вечными предположениями и предвосхищениями. По-другому он действовать не умел. К тому же Роджер всегда был и оставался, несмотря на использование техники подъемного конькового хода, романтиком, которого легко сбивали с толку духовная глубина, удивительные парадоксы и одному

Богу известно что еще. Однако он старался не уделять предчувствиям много внимания как раз по той причине, что они так приятно волновали его ум и приводили в экстаз. Теперь Роджер еще более осознанно оттачивал умение сохранять холодный рассудок и беспристрастность: только при полной уверенности в том, что таким холодным взглядом охвачен весь текст, он мог позволить себе им восхититься.

3-я стадия. Во время обучения на старших курсах университета Роджер увлекался континентальной философией: Вальтер Беньямин, французские мыслители и так далее. Его по-прежнему интересовали прежде всего такие тексты, в которых он ощущал присутствие скрытых уровней и тайн. К этому времени ему удалось довести технику размеренного подъемного конькового хода до автоматизма. Теперь Роджер в первую очередь старался как можно внимательнее прислушиваться к текстам. Наряду с восприятием всех деталей целью такого сосредоточенного вслушивания было заметить собственные минимальные раздражения при их прочтении. Если в повседневной жизни он старался не обращать на них внимания, то здесь было очень важно — и отнюдь не просто — их уловить, так как они зачастую становились главным ключом к пониманию и критике текстов. При чтении Роджер регулярно замечал три вида раздражений.

~ Раздражения, которые возникают, когда текст вступает в диалог с читателем сразу на нескольких уровнях. Например, когда Роджер читал эссе Ханны Арендт «Организованная вина», потребовалось много времени, прежде чем он — благодаря раздражению — наконец понял, что текст уже в названии раскрывает читателю, что вина в действительности организуется. Это стало для Роджера самым интересным аспектом произведения.

- ~ Места в тексте, где происходит его внезапное размытие. Даже в относительно ясных текстах Роджер не раз неожиданно для себя наткнулся на густую завесу тумана. Подобные места легко пропустить, особенно когда авторы перекидывают через туманную пелену смысловой мостик и надеются, что читатель быстро ее преодолеет. Каждый раз, будучи предельно внимательным, Роджер замечал такие места и задавался вопросом: «Почему текст внезапно стал настолько непонятным? Может быть, именно здесь собака зарыта?» При чтении произведений средне-статистического автора можно предположить, что это сделано не нарочно. Автор скрыл что-то от себя и от читателя. Если Роджер начинал копать в этом месте, он часто обнаруживал не преодоленное автором противоречие, на основании которого мог деконструировать все произведение и прийти к следующему выводу: текст основан на фундаментальном парадоксе. Другими словами — выражаясь психоаналитически, — автор подсознательно кружит вокруг некоего противоречия, которое не сумел разрешить. Возможно, именно оно им и движет.
- ~ Противоречия, которые указывают на искусно спрятанный автором потайной уровень текста. Такие противоречия — скрытые послания, предназначенные для избранных и ускользающие от рядового читателя (а также сильных мира сего). Так, раздражения указывали Роджеру на подобные послания в работах Лео Штрауса. Роджеру очень нравилось находить в его произведениях скрытые между строк послания и причислять себя к избранным.

Внимательное вслушивание в текст, а также всевозможные открытия и разоблачения, которые благодаря этому становились возможными, приносили Роджеру ощущение счастья. Он также стал все увереннее обращаться с текстами. Начал

лучше понимать свою предметную область и университетскую среду. Нашел друзей, которые разделяли его взгляды на чтение. И встретил Хлою.

4-я стадия. В двадцать шесть лет Роджер переехал в другой город, перевелся в другой университет и стал жить вместе с Хлоей. Поступил на работу научным сотрудником к молодому, очень успешному и богатому рационалисту и идеалисту. Образ мыслей Роджера, сформировавшийся под влиянием постмодерна, напротив, тяготел к релятивизму. Роджер предвкушал предстоящий интеллектуальный поединок, так как его интересовало все чуждое и неизвестное. Тексты, с основным посылом которых он был готов согласиться уже с первых слов, довольно быстро ему надоедали. Им оказывалось нечего ему предложить. Более того, после их прочтения собственные мысли начинали казаться Роджеру сомнительными и неуклюжими. Идея во всем соглашаться с автором и плыть по течению шла вразрез с его принципами во всех сферах жизни. Он всегда чувствовал, что это неправильно. Несмотря на то что Роджер с радостью ждал встречи с этим чуждым и неизвестным, уже менее чем через две недели аргументы, которые приводил молодой начальник в колледже для аспирантов, выбили у него почву из-под ног. Профессор с легкостью разносил его доводы в пух и прах. Это повергло Роджера в шок. Он был сокрушен. По ощущениям это было похоже на насилие, но обвинить профессора было не в чем. У Роджера поднялась температура. Две недели он лежал в кровати и так сильно потел, что матрас потом пришлось выбросить. Но оправиться после болезни удалось довольно быстро. Через две-три недели он уже сам активно пользовался оружием перформативного самопротиворечия и уничтожал каждого, кто пытался обосновать свою позицию с точки зрения релятивизма. В течение нескольких месяцев он наслаждался триумфом с уверенностью неопита. Сегодня